

земныя, взятыя вмѣстѣ». Такой взглядъ застилъ пониманіе реальности, и когда судьба привела Жуковского быть наставникомъ наслѣдника престола, ему пришлось пожалѣть, что практика общественной жизни ему почти не знакома. Общее дѣло никогда мнѣ не было чуждо, писалъ онъ въ 1827-мъ году Ал. Ив. Тургеневу, «я не занимался современнымъ, какъ бы было должно, это правда, и теперь вижу, что мнѣ многого не достаетъ въ моемъ теперешнемъ званіи.... На вѣйшее могу только заглядывать изрѣдка урывками. А знакомство съ нимъ необходимо для вѣрности, солидности и теплоты идей». Въ этой «теплотѣ идей» весь Жуковский. Его гуманизмъ былъ гуманизмъ жалости и благотворенія; носитель добра и помощи всюду, гдѣ въ нихъ сказывалась нужда, онъ не рѣшался теоретически распространить то и другое на болѣе широкіе горизонты. Культъ воспоминанія связывалъ его личное чувство, какъ культъ преданія его оцѣнку историческихъ явленій. Но онъ умѣлъ любить и дружить; онъ дѣлательно искалъ дружбы, «чистая душа», какъ звалъ его въ письмахъ къ нему Александръ Михайловичъ Тургеневъ; «единственный изъ насъ, который умѣетъ любить», выразился о немъ Пушкинъ въ салонѣ Смирновой.

И въ этомъ бѣдномъ по содержанію районѣ онъ совершилъ чудеса: въ немъ онъ полный хозяинъ, знаетъ въ немъ всякій закоулокъ, неуловимыя движенія чувства, неслышныя колебанія настроенія. Все это для него дорого, и онъ хочетъ схватить это невѣдомое, бѣгущее, ускользающее отъ глаза и слуха; хочетъ выразить «невыразимое», и въ извѣстной мѣрѣ это ему удастся. Въ этомъ очарованіе его стиха. Какъ онъ достигъ его, — въ эту тайну мы можемъ заглянуть лишь стороною. Говорятъ, онъ обогатилъ нашу лирику новыми метрическими формами, это справедливо, но починъ въ этомъ смыслѣ принадлежитъ Карамзину. Дѣло и не въ изобразительности, не въ вѣрности пейзажа, хотя Жуковский рисовальщикъ и природа для него уже не только объектъ для размышленія, какъ для сентименталиста; онъ любитъ зачерчивать виды, горы, кресты надъ могилами, рѣже людскія